

РЕВОЛЮЦИЯ

Это одно из самых дорогих и величественных слов нашей эпохи. На его долю выпала богатая и волнующая история, которая и сама может нам немало рассказать о зарождении и формировании национально-освободительного движения в России.

Слово *революция* появилось в русском языке в первые десятилетия XVIII века. Источники его — латинское *revolutio* и французское *révolution*, которые обозначили 'обратное (возвратное) движение' и применялись главным образом по отношению к движению небесных тел; переносно они могли указывать на значительные перемены в жизни государств и народов. Оба эти значения — первоначальное и вторичное, переносное, — слово имеет и в современных европейских языках. Но в русском языке такого совмещения значений почти не было, и слово *революция* с самого начала употреблялось во втором, социальном смысле.

Говоря о сдвигах в истории античных государств, сподвижник Петра I П. Шафиров писал по поводу русско-шведской войны: «Дабы всяк яснее о последующих *революциях* [к этому слову давалось пояснение — «отменах», т. е. изменениях, переменах] древних известие имел». Б. Куракин, другой деятель Петровского времени, предполагал написать полную историю России. Сохранился план этой работы и там, в частности, раздел «О царе Годунове. О расстриге. О других революциях». Несколько позже это же слово употребляет Д. И. Фонвизин, рассказывая об изменениях в правлении и устройстве некоторых европейских государств.

При обозначении кругового, возвратного движения небесных светил русский научный и литературный язык пользовался издавна известными терминами *течение*, *бег*, в XVIII веке к ним прибавляются еще слова *обращение*, *движение*, сохранившиеся в качестве терминов астрономии до сих пор. М. В. Ломоносов о движении светил писал: «планет и комет обращение»; в других текстах этого времени встречаем: «обращение светил». Во французском же языке в таких случаях употреблялось слово *révolution*: *les révolutions des planettes* 'обращение, круговое движение планет'. В переводных словарях того времени выражения типа *révolutions des astres* также неизменно передавались как 'обращение, обратное течение звезд', т. е. без слова *революция*.

Такая смысловая цельность слова *революция* в русском языке с самого начала обусловила и дальнейшее вполне определенное его

развитие. Важный этап в истории слова наступает в конце XVIII века. Крестьянская война под руководством Пугачева (1773—1775), выступления Радищева и других передовых деятелей всколыхнули русское общество, вызвали подъем освободительных настроений. Французская буржуазная революция 1789 года, свержение и казнь короля, установление республики привели в ужас правительство Екатерины II, ожидавшее такого же развития событий в России. Были приняты жестокие меры к пресечению «заразы французской» — закрытие журналов, ссылка Радищева, заточение Новикова, преследование любых проявлений свободолюбия.

Тем не менее революция во Франции и недавние крестьянские выступления в России, вызывали пристальное внимание русских людей. Сообщения об этих событиях проникали в газеты, в письма, даже в правительственные документы.

Именно теперь слово *революция* (и его производные: революционный и др.) получают конкретное социальное наполнение. Это уже не изменение в жизни людей вообще, а резкая и коренная перемена существующего строя, свержение монархии, выступления народных масс. Слово *революция* как бы впитало в себя чаяния лучших, передовых деятелей России второй половины XVIII века.

В это время слово распространяется и по-настоящему утверждается в литературном языке. Обладая острым общественно-политическим смыслом, оно, естественно, ограничено в печати. В официальных высказываниях, в оценках реакционных дворян события во Франции, как и недавнее Пугачевское восстание, назывались обычно бунтом, мятежом, беспорядками. Но все же через газетные информации и различные издания слово *революция* прочно входит в обиход. Мы можем даже получить представление о фразеологии защитников революции — это такие характерные выражения, как: защищать революцию, славная революция и др.

Слово *революция* в новом, специальном смысле употребляет Н. М. Карамзин, рассказывая о европейских событиях 1790 года в своих «Письмах русского путешественника». Интересно употребление этого слова в переписке его знакомых, некоторые из которых были связаны с масонством и тоже, со своей точки зрения, комментировали происходящее. Так, А. М. Кутузов писал А. И. Плещеевой 4/15 марта 1791 года: «Видно, что путешествие его [Карамзина] произвело в нем великую перемену в рассуждении прежних друзей его. Может быть, и в нем произошла французская революция».

А вот слово *революция* под пером Екатерины II, которая в 1790 году под свежим впечатлением от радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» высказалась на своем ломаном русском языке: «Давно мысль ево [Радищева] готовилась по взятому пути, а французская революция ево решила себя определить в России первым подвизателем» (вспомним, что в другом ее определении дело Радищева прямо соотносится с крестьянскими выступ-

лениями: «бунтовщик хуже Пугачева»). Слово проникает в текст правительственного указа 1793 года о высылке из России французов, если они не отрекутся от «революционных правил».

Если в конце XVIII века происходит утверждение слова *революция* в новом социальном наполнении, то дальнейший важный этап в его развитии связан с деятельностью и словоупотреблением декабристов. Это был новый подъем национально-освободительного движения и общественного самосознания в России после Отечественной войны 1812 года. Декабристы используют слова *революция*, *революционный*, имея в виду свержение самодержавия, и придают этим наименованиям, таким образом, вполне конкретный смысл в условиях России 20-х годов XIX века.

Понятно, что многие их мысли не могли попасть в свое время в печать и сохранились лишь в записках, в следственных делах. В представлении декабристов русская революция означала существенные социальные преобразования, была актом героической борьбы. Отсюда высокий пафос и гражданственность в употреблении этих слов. В показаниях перед царской следственной комиссией декабрист Г. С. Батеньков с большим чувством заявлял: «Покушение 14 декабря не мятеж, как, к стыду моему, именовал я его несколько раз, но первый в России опыт революции политической, опыт почтенный в бытописаниях и в глазах других просвещенных народов». Касаясь формирования своих убеждений, Батеньков в очерке «Развитие свободных идей» писал: «Все, с одной стороны, располагало не любить существующий порядок, с другой же, — думать, что революция близка и неизбежна». Об этом же говорил в своих показаниях П. И. Пестель: «Начали во мне рождаться, почти совокупно, как конституционные, так и революционные мысли».

Итак, у слова *революция* складывается специальное значение, характер которого легче понять при сравнении с другим, очень близким по смыслу словом *переворот*. Прямой смысл последнего — ‘действие по глаголу *переворачивать*’, — однако, с конца XVIII века путем калькирования значения слово приобретает такое же специфическое содержание, как и *революция*. В 90-е годы XVIII века слово *переворот* и производные от него также использовались при описании событий во Франции в значении ‘революция’, *переворотный* ‘революционный’. В газетных сообщениях того времени встречаем: «идеи переворота», «последователи переворота», «площадь переворота» (название площади в Париже); «переворотные войска» (революционные войска), «переворотная республика» и т. д. Говорили и *контр-революция* и *противо-переворот*. В этот период из-за особой остроты слова *революция* его синоним *переворот* был даже употребительнее и встречался чаще.

Однако затем слова начинают расходиться по смыслу. Слово *переворот* с его более широкой и вместе с тем образной семантикой (ср. глагол *переворачивать*, в народно-разговорном языке оз-

начавший 'менять, переименовывать') обладало меньшими условиями для специализации значения. Будучи тесно связано со своим прямым смыслом и однозначными словами, слово *переворот* не приобретает того терминологического общественно-политического характера, который закрепляется за словом *революция*. В течение XIX века оно постепенно оттесняется в неспециальные и переносные контексты. Применительно к общественным явлениям слово *переворот* начинает чаще означать частные перемены в структуре, правлении страны. Слово *революция* в передовой русской публицистической традиции служит наименованием главным образом коренных, радикальных перемен в укладе общества, связанных с освободительной борьбой.

В этом, собственно, заключается еще одно существенное отличие слова *революция* от соответствующих слов в европейских языках. Например, французское *révolution*, по определению французского академического словаря 1836 года, могло относиться к весьма различным переменам в жизни государств, в том числе имеющим характер переворота. В русской передовой публицистике такого смещения почти не допускается. Лингвистически это находит выражение в том, что слово *переворот* как отдельное наименование «оттягивает» на себя обозначение тех социальных явлений, которые носят более частный характер, или подчеркивают ту сторону революции, которая состоит именно в сломе, резкой перемене, «переворачивании» существовавшего положения вещей. Такое смысловое соотношение слов сохранялось в общих чертах и позднее, способствуя цельности и полноте социального наполнения слова *революция*.

Сравнительно рано (уже в конце XVIII века) складывается и другое употребление слова *революция* 'существенные перемены в какой-либо области', получившие в дальнейшем развитие. Например, в «Письмах русского путешественника» Карамзина в речи одного из персонажей встречаем фразу: «Со временем предложу публике свои мнения и доказательства, которые, может быть, сделают революцию в философии»; аналогичный пример в статье поэта К. Н. Батюшкова: «И эти люди хотят сделать революцию в словесности не образцовыми произведениями, нет, а системою новою, глупою». Такое же употребление обнаруживается у слова *переворот*, причем оно в этом смысле выступает чаще, чем слово *революция*, и в более разнообразном кругу лексики. Вот некоторые примеры, относящиеся к первым десятилетиям XIX века: «умственный переворот», «переворот дел человеческих», «перевороты человеческой судьбы», «переворот в земледельческой системе» и т. д. Встречаются подобные выражения у Пушкина, Белинского и др.

Итак, к середине XIX века, когда вполне складываются нормы русского национального литературного языка, слово *революция* получает свои основные семантические свойства. В дальнейшем, по-прежнему сохраняя свой острый политический смысл, слово

революция находится в гуще литературно-публицистической полемики, борьбы общественно-политических группировок. Одним из отзвуков этой борьбы еще в середине XIX века было замечание в известном «Карманном словаре иностранных слов...», издаваемом Н. Кириловым» (1845—1946), о различии между словами *революция*, *реформа* и *новация*: «Иногда новация (обновление) употребляют вместо реформа (изменение), но этим отнюдь нельзя заменить революцию (преобразование)». В этом замечании авторов словаря — петрашевцев — проявилась забота передовых деятелей России о чистоте и правильном понимании слова *революция*.

Новая эпоха в истории слова *революция* начинается в период пролетарского освободительного движения, деятельности большевистской партии и В. И. Ленина. Насыщенное опытом борьбы рабочего класса, на базе теории марксизма-ленинизма, слово становится в русском языке подлинно научным термином. После Октябрьской революции, в ходе социалистического строительства окончательно определяется значение слова *революция* и его производных. В семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» АН СССР указываются два основных значения слова *революция*: 1. «Коренной переворот в жизни общества, проявляющийся в насильственном низвержении отжившего общественного строя и утверждении нового, прогрессивного общественного строя». В рамках этого значения отмечены в качестве особых употреблений — слово применительно к пролетарской, социалистической революции и в отношении буржуазных, буржуазно-демократических революций. 2. «Переворот в какой-либо области, ведущий к коренному преобразованию, усовершенствованию, обновлению чего-либо» (из газет: «научно-техническая революция»).

Как видно из текста словарных определений, слово *революция* сохраняет определенную соотносительность со словом *переворот* и поныне. Больше всего эта соотносительность проявляется во втором значении. Однако и в первом, социальном, смысле, с учетом описанных выше особенностей, эти слова имеют некоторый параллелизм. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что слово *революция* во всех случаях имеет более точное, терминологическое значение, тогда как семантика слова *переворот* шире, менее специальна, контекстуально разнообразнее. В качестве иллюстраций, где оба слова встречаются как раз с разными оттенками в одном и том же отрывке, приведем место из статьи академика С. Трапезникова («Правда», 4 августа 1967): «...Однако революция была только началом, необходимой предпосылкой того, чтобы потом, несколько позже, совершить подлинный социалистический переворот в деревне и увенчать его полной победой колхозного строя». Другой пример употребления слова *переворот* в газетном тексте: «Военный переворот в Того».

Слово *революция* вошло в языки всех братских народов. Советская эпоха не только наполнила его глубоко определенным и

близким каждому смыслом, но и вызвала к жизни много специфических новообразований от слова *революция*. Это слово стало настолько значимым, что может употребляться и без определений и дополнений, — каждому ясно, какое событие имеется в виду: *незадолго до революции, послереволюционные годы, в период революции*. Ср. также появившиеся новые сложно-сокращенные наименования: *ревком, ревтрибунал, реввоенсовет* и др. Развитие слова *революция* в советскую эпоху составляет отдельную большую тему, не укладывающуюся в рамки одной заметки. Мы постарались лишь осветить начальный, наиболее ранний этап в истории этого замечательного слова, слова-ветерана.

Кандидат филологических наук
В. В. ВЕСЕЛИТСКИЙ

КЕМПИНГ-КЕМПИНГОВЫЙ

Развитие международного туризма внесло в русский язык существительное *кемпинг* 'лагерь автотуристов, лагерь отдыха'. Английское а *camp* — *to camp* этимологически связано с латинским *campus* 'лагерь'. В том или ином варианте это слово бытует почти во всех европейских языках. Ср. французское *camp* 'поле', итальянское и испанское *campo* 'поле', 'лагерь' и т. д. В английском а *camp* и *to camp* означают 'лагерь, временное пристанище путешественников' и 'располагаться лагерем, временно жить', а *camp out, camping-out, persons camping out* — 'почевать под открытым небом, временно жить без особых удобств'; 'ночующие под открытым небом'.

Кемп — *кемпинг* в значении 'лагерь для автотуристов' распространилось во многих языках мира. Писатель Геннадий Фип одну из глав своей книги «Здравствуй, Дания!» (1959) назвал «Километры, мили, кемпы». В русском языке распространилась форма *кемпинг*. Сначала слово это употреблялось как иностранное вкрапление в английском написании (*camping*), но с непрямым русским пояснением: «Останкино, кемпинг». Появился указатель с надписью на английском языке и

объяснением на русском: лагерь для автотуристов. «Ворота Останкинского кемпинга гостеприимно распахнуты для путешественников со всех континентов» («Вечерняя Москва», 24 июня 1960). Газетные и журнальные публикации закрепили в русском языке за словом *кемпинг* русскую транскрипцию и сделали ненужными описательные пояснения: «Кемпинг у Минского шоссе» («Вечерняя Москва», 19 августа 1965); «Своеобразна архитектура деревянных павильонов кемпинга» («Правда», 24 июля 1966); «В 50 городах СССР строятся сейчас новые... кемпинги». Ср. также: указатель орджоникидзевского лагеря для автотуристов — «Camping. Кемпинг» (1965). Здесь слово уже без пояснений представлено в двух написаниях — английском и русском.

Твердый согласный в окончании существительного *кемпинг* позволил иностранному заимствованию стать в ряд русских слов мужского рода — II склонения. *Кемпинг* легко склоняется: «В Исполкоме Моссовета согласовано проектное задание на строительство кемпинга на 200 мест... предусмотрено сооружение при кемпинге жилых домиков...» («Вечерняя Москва», 19 августа 1965). Это существительное усвоило не